

*Н. М. Морозов***Современные интерпретации державности
в режимах историчности***N. M. Morozov***Modern Interpretations of Great Power Status
in the Regimes of Historicity**

На основе историографических источников проводится экспертиза гипотезы об архетипической природе державности, выраженной в устойчивых представлениях русских об идеализированной модели государственной власти, сформированных под влиянием всей совокупности природных, ментальных и социально-политических факторов в фазах становления и подъёма российской цивилизации. Рассмотрены современные интерпретации идеи державности, относящиеся к различным типам восприятия времени. Пассеистский уклон был выражен в манифестации важного для части населения современной России значения традиционных ценностей общества, связанных с олицетворением «горизонта ожидания» в идеальном образе государственной власти. Футуристический уклон был характерен для представителей экономических наук, выдвинувших идею рассматривать взаимную интеграцию социокультурных и экономических факторов важным условием эффективной реализации предлагаемой программы политического, экономического и духовного развития страны. Презентизм был свойствен исследователям, рассматривавшим генезис российской государственности через призму ценностных ориентиров современного общества.

Ключевые слова: державность, самодержавие, менталитет, исследовательская стратегия, режим историчности, пассеизм, футуризм, презентизм.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-57

В 1990-е гг. системный кризис советского строя плавно перешёл в кризис реализуемого либерального проекта реформы российской государственности. В активном диалоге отечественной элиты с представителями европейской политической культуры в очередной раз актуализировалась потребность в определении цивилизационной специфики сложившейся системы властных отношений, подвигнувшая интеллектуалов к возвращению державной терминологии после нескольких десятилетий забвения в политическую риторику и обывденную речь. В стороне не осталась и обществоведческая мысль. С начала 2000-х гг. в научных трудах и в эссеистике всё чаще стали встречаться отдельные реплики, проговорки и рассуждения

On the basis of historiographic sources the hypothesis of the archetypal nature of statehood is examined. It is expressed in the Russians' prevailing idea of an idealized model of government, determined by the complexity of natural, mental, social and political factors during the rise of the Russian civilization. The article describes modern interpretation of the notion of statehood, relating to different types of perception of time. Passeistsky emphasis is expressed in the manifestation of traditional values associated with the embodiment of «horizon of expectation» in an ideal image of the government which is important for some groups of Russian population. Futuristic bias was typical of representatives of economics, who proposed the idea of considering mutual integration of socio-cultural and economic factors important prerequisite for effective implementation of the proposed program of political, economic and cultural development of the country. Presenteeism bias was supported by the researchers, who considered the genesis of the Russian state through the prism of contemporary society values.

Key words: great power, autocracy, the mentality, the research strategy, the regime of historicity, passeism, futurism, presenteeism.

представителей различных предметных областей знаний о державной политике в геополитической, экономической и социокультурной сферах.

Рабочая гипотеза автора состоит в доказательстве архетипической природы державности, выраженной в устойчивых представлениях русских об идеализированной модели государственной власти, сформированных под влиянием всей совокупности природных, ментальных и социально-политических факторов в фазах становления и подъёма российской цивилизации¹. Ввиду отсутствия систематизированных знаний об историографическом поле, аккумулировавшем

¹ Гипотеза является частью авторской концепции структуры менталитета русских [1, с. 67–88]

практики концептуализации идеи державности как в узкопредметных, так и в междисциплинарном пространствах, назрело исследование, которое бы позволило не только расширить знания о тенденциях развития этой ниши отечественной мысли, но и выявить основные направления трансформации смыслов идеи в историческом сознании общества. Общий замысел обусловил задачу статьи: рассмотреть современные (последних двух десятилетий) интерпретации державности, относящиеся к известным моделям восприятия времени.

Постановка задачи в методологическом ракурсе обусловлена нечеткой концептуализацией ключевого понятия. В современной научной литературе его историческое содержание связывается с идеями катехона, «Третьего Рима», самодержавной власти и соответствующими аналитическими схемами, усвоенными интеллектуалами в XIX в. На рубеже XX–XXI вв. данное наследие было переосмыслено в атмосфере теоретического плюрализма, допускавшего свободное использование «чужих» предметных и проблемных полей. Поэтому проведению типологизации точек зрения, не равноценных в плане концептуального обоснования и формату изложения, наилучшим образом соответствует полидисциплинарная исследовательская оптика, позволяющая распознать гносеологические основания и научно аргументированных, и интуитивных суждений.

В инструментальном плане такие возможности предоставляет гипотеза о режимах историчности, изложенная в трудах французских учёных (Роже Шартье, Франсуа Артог) и Райнхарта Козеллека — представителя немецкой науки.

Однако вначале необходимо вспомнить созвучную идею Л. Н. Гумилёва о четырёх типах ощущения времени. Ее автор утверждал о преобладании в том или ином возрасте этноса одного из типов восприятия прошлого, настоящего и будущего, предопределяющих цикличность истории народа. Он полагал, что в период становления этнической общности, по мере накопления материальных, идейных ценностей и их трансформации в этические императивы, у большинства населения доминирует ощущение времени, выраженное понятием «пассеизм» [2, с. 94]. Люди чувствуют себя продолжателями линии предков, прошлое воспринимается как реальность и мерило текущих событий. Затем пассеизм уступает место актуализму, при котором основная часть народа руководствуется сиюминутными и эгоистическими интересами, забывая о прошлом и не желая знать будущего². Для футуристического восприятия вре-

мени характерно игнорирование ценностей прошлого как уже исчезнувшего и настоящего как неприемлемого ради целей будущего, воплощённых в мечте, часто осознаваемой в виде национальной идеи. И наконец, в статичном состоянии этноса (речь шла о последних фазах этногенеза) люди игнорируют время, так как их деятельности темпоральный отсчёт уже не приносит пользы [2, с. 95–98].

Аналогичные мысли, но не в связи с этногенезом, а с процессами всемирной истории, были изложены в гипотезе о режимах историчности, проясняющей специфику наличествующих в обществе темпоральных отношений. Опираясь понятием «горизонт ожидания», введённым Райнхартом Козеллеком для обозначения эффекта незримого присутствия будущего (состоящего из предвосхищений, прогнозов, желаний, надежд и страхов) в сознании людей прошлого, Франсуа Артог писал об утвердившемся в Новое время футуристическом режиме историчности, отмеченным неуклонным устремлением к «горизонту ожидания» (к тому, чего ещё нет), воспринимаемым западноевропейскими народами через понятие прогресса.

Автор с беспокойством отмечал возникшие между двумя мировыми войнами симптомы кризиса в восприятии интеллектуалами времени, проявившегося в разрыве непосредственной преемственности между прошлым, настоящим и будущим, породившего презентизм (аналогичный Гумилёвскому «актуализму». — *Н. М.*) с его историей настоящего времени. Презентизм был следствием осознания Холокоста, краха коммунистической идеи и многих других трагических событий XX в. [3, с. 21–28], утверждая собой право на существование темпоральной индивидуальности как в рамках отдельных дисциплин, так и в творчестве отдельно взятых исследователей, избирательно воспринимающих время [4, с. 66–78], в сознании которых «...самодостаточное, мощное, всепоглощающее и вездесущее настоящее само ежедневно создает такое прошлое и будущее, какое ему нужно (...), которое само является своим собственным горизонтом и открывает перед историками возможности написания истории памяти и истории современности» [5, с. 153–154].

Таким образом, в дополнение к предполагаемому анализу реплик о державности, внешне демонстрировавших плюрализм мнений и примеры ситуативного использования ключевого понятия в условиях очевидного кризиса в теоретическом пространстве наук об обществе, мы приобретаем важный инструмент для их диагностики на тип восприятия времени, в гносеологическом плане обусловивший комплектацию концептуального аппарата у того или иного автора.

Пассеистский уклон в осмыслении державности выражался посредством манифестации важно-го для части населения современной России значе-

² В качестве примера актуального восприятия времени был назван Иван Грозный. Однако и религиозное мировоззрение царя, и его деятельность, обусловленные эсхатологическими ожиданиями, указывают на пассеистическое мышление, соотносящее переживаемые события с неким первоначальным, исходным состоянием.

ния традиционных ценностей общества, связанных с олицетворением «горизонта ожидания» в идеальном образе государственной власти, осознанным поколениями интеллектуалов в прошлые исторические периоды. Все рассуждения, отразившие данный временной контекст, представляли три направления исследований в зависимости от выбранного проблемного поля: аксиологии, психологии или эсхатологии.

К аксиологическому направлению отнесем точки зрения, подчеркивавшие нравственную ценность российского государства, или, говоря словами писателя А. А. Проханова, государства как высшей ценности, «...в которой народ аккумулирует свою способность к историческому творчеству» [6]. Аналогичные мысли можно было встретить в трудах некоторых философов. Так, рассматривая предпосылки и факторы формирования национального самосознания, А. М. Кумыков выделял усвоенные историческим сознанием основополагающие идеи: нравственную — в качестве высшей цели и задачи государства; идею сильной власти, обеспечивающую целостность государства и реализацию его задачи, состоящей «...в исправлении общественного строя и приближении его к нравственному порядку»³. Сходные суждения авторы черпали из работ Ф. И. Гиренка, писавшего о предмете ответственности власти с позиций православной духовности [8, с. 59]. Указанным научным изысканиям и общественным настроениям созвучным оказался смысл первой строки принятого в 2000 г. гимна Российской Федерации — «Россия — священная наша держава», в которой была воспроизведена идея «Третьего Рима».

Анализ практики использования державной терминологии в аксиологическом измерении показывает отсутствие у авторов единого подхода к описанию нравственной грани идеального типа российской власти.

Согласно В. А. Артамонову, державное сознание и его синонимы (государственный инстинкт, гражданская державность, державная воля, «державность», оборонное сознание) должны ассоциироваться с преданностью человека, народа своему государству и желанием служить его интересам [9, с. 11].

Державная власть, утверждал С. Ю. Кабашов, является носителем фундаментальных духовных ценностей [10, с. 15].

В условиях России дух государственности, как без дополнительных комментариев считал М. Ю. Грищенко, может быть выражен понятием державности [11, с. 31].

³ Автор представляет нравственную идею в виде набора чётко не сформулированных «...нормативно-нравственных ценностей служения общенациональному коллективному началу общества, а также основные идеологические предпочтения в ориентирах государственного строительства нации» [7, с. 14–15, 35].

Державность вместе с духовностью и соборностью рассматривалась Н. В. Асоновым в качестве «реальной альтернативы западным проектам разложения России» [12, с. 29], а в интерпретации Ю. П. Буданцева и В. И. Большакова она описывалась с помощью таких понятий, как симфония властей и соборность [13, с. 23–36].

Российская монархия, как заметил М. Н. Нечапкин, обладала рядом неповторимых черт, среди которых упоминалась и державность [14, с. 8].

В выступлениях представителей высшего образования слышались призывы к необходимости формирования у населения патриотического сознания, а также следовать принципу державности в смысле сохранения единой и неделимой России [15, с. 10].

Как видим, приведённые выше клишированные умозаключения упрощённо воспроизводили лейтмотив интенций консервативной мысли конца XIX в. и показывали интуиции авторов. Они были лишены научной новизны, но несли в себе определенный потенциал воздействия на дезориентированное мировоззрение обывателя, побуждая его вновь обратить внимание на пока неясно осознаваемую державность, в нравственном прочтении выступающую «горизонтом ожиданий», на который ориентировались многие поколения россиян.

К эсхатологическому направлению отнесём точки зрения, связывавшие понятие державности с религиозной и светской версиями идеи спасения человечества. Учёные опирались на историю развития государственного сознания в России и выделяли ключевое значение идеи «Третьего Рима» в формировании общественных представлений о справедливой власти.

О безусловном влиянии православия на политическое мышление русских писал О. А. Платонов, уточнивший определение державности: «...это сознание каждым ответственности за всех, ответственности отдельной личности за нравственное здоровье общества и крепость государства. Не принудительной ответственности «за страх», а добровольного религиозного служения «за совесть». Державность — это государственное самосознание народа, принявшего на себя церковное послушание «Удерживающего... стоящего насмерть на пути рвущегося в мир сатанинского зла» [16, с. 657], упомянутое в послании апостола Павла [17]. В целом, обществоведы были солидарны во мнении, что длительное время все формы российской власти были связаны с самодержавным принципом и освящались божественным авторитетом [18, с. 37; 19, с. 171–172].

Осмысливая повороты российской истории XIX — XX вв., Н. М. Ракитянский обратил внимание на случаи перевоплощения православной идеи спасения в феномен «светской святости», допускавшей как утрату в сознании отдельных слоев населения ореола святости представителями верховной

власти и перенесение его на великих поэтов и писателей (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова Ф. М., Достоевского, Л. Н. Толстого), так и сакрализацию вождей коммунистической партии [20, с. 79].

Идея спасения, по мнению И. Б. Орлова, занимала особое место и в коммунистической идеологии, создавшей новый религиозный культ с политическим антирелигиозным наполнением⁴, растворившей смысл российской державности в патриотизме, в положениях морального Кодекса строителя коммунизма, составленного по аналогии со сводом заповедей Закона Божьего. Тем не менее автор полагал, что и в XXI в. державность по-прежнему востребована. Она подразумевает не только политический вес на международной арене экономического, военного и духовного могущества страны, но и наличие идеологии и нравственно-го порядка, действующих в интересах всего народа.

Таким образом, представители современного эсхатологического направления определяли державность через осмысление взаимодействия двух феноменов: верховной власти и пока малоизученной веры, исторически создавшей культурные нормы и ценностные регуляторы поведения, выражавшие идентичность социальных институтов. При этом подчёркивалась преемственность между православно-религиозными и светскими смыслами державности, рожденными в процессе непрекращающихся исканий человеком и обществом, в целом, путей постижения высшей истины, в перманентном осмыслении идеи мистического спасения народа, облеченной в различные периоды истории в своеобразные духовные и материальные формы. Авторы с помощью современного аналитического инструментария по существу отстаивали религиозную максиму самодержавия, вошедшую в «плоть и кровь» российского общества, сформировавшую у людей идеализированное понимание власти как священного долга, ориентированного на достижение ими же очерченного «горизонта ожиданий».

Психологическая направленность в уяснении феномена державности была характерна для группы исследователей, использовавших в освещении проблемы ментальную риторику. Надо сказать, основной рефрен работ и научная специализация авторов име-

ли косвенное отношение к проблемным полям психологии и истории. Очевидно, по этой причине можно встретить некорректное отношение к терминологии.

Державность, по мнению кандидата экономических наук М. В. Ильясовой, является не просто формой государственности, но также исторически и ментально закрепленным мировоззрением, базирующимся «...на принципах справедливости, терпимости, духовности, гармонизации экономических и иных личных и общественных интересов» [22, с. 94]. В заметно завуалированном виде она определялась С. Б. Кавериним, разработчиком идеи «просвещенного менеджмента», как «...черта личности, означающая отдельную и еще не охваченную акмеологической теорией характеристику акмеологического совершенства» [23, с. 483]. В пространным и не бесспорном перечне генетических кодов российской цивилизации (духовность, «коммунальность», имперство, этнический стержень при этнотолерантности, самосознание «самости», самобытность и мессианская составляющая как стержень идеологии, дух цивилизационной соревновательности и самоуважение) А. С. Сенявский лишь упомянул о державности [24, с. 61]. Гипотезой диссертационного исследования кандидата философских наук М. А. Ющенко, апеллирующей в большей степени к обыденным представлениям об окружающем мире, явилась идея закрепления в сознании народа самодержавной модели власти, «... в результате чего монархизм превратился (?! — Н. М.) в архетипическую модель, которая воспроизводится в других формах власти в России. Эта архетипическая властная модель проявилась на коммунистическом и посткоммунистическом этапах развития российской культуры» [25, с. 12].

Приведенные точки зрения и небольшое количество мест, в которых они формулировались буквально несколькими штрихами, сами по себе показательны незавершенной систематизацией в творческой лаборатории авторов аналитического инструментария, необходимого для описания зависимостей между формами и типами российской власти, с одной стороны, и ментальными структурами, с другой стороны. Среди учёных, специализировавшихся на изучении менталитета русских, интересующая нас тема не разрабатывалась.

Футуристический уклон в осмыслении державности был характерен для представителей экономических наук, выдвинувших идею рассматривать взаимной интеграции социокультурных и экономических факторов важным условием эффективной реализации предлагаемой программы политического, экономического и духовного развития страны. Коллективным разработчиком идеи выступили выходцы и соратники научной школы экономиста В. М. Юрьева (Тамбовский государственный университет).

В концептуальном плане их воззрения представляли собой логически связанную совокупность идей,

⁴ Автор напомнил один малоизвестный исторический факт, убедительно подтверждающий сказанное: «...И. В. Сталин сделал многое для возрождения идеологии «Третьего Рима». В 1945 г. он организовал за государственный счет пышное проведение церковного собора с участием греческой иерархии, а на 1948 г. планировалось проведение всеправославного собора с целью перемещения московского патриарха с пятого места на первое в православной иерархии. Это давало каноническое обоснование идеи «Третьего Рима» и фактическое объединение под крылом Сталина всего «поствизантийского» мира. Но этим планам помешали американцы, не давшие включить в «социалистический лагерь» Грецию» [21, с. 33].

объединённых осовремененными смыслами державности. Теоретическую базу рассуждений составили:

— концепции «нового» среднего класса⁵ и гражданского общества, обосновывавшие необходимость увеличения в составе работающего населения доли среднего класса как важного показателя развития отечественной экономики;

— концепция глобализации мировой экономики, позволившая В. М. Юрьеву и его последователям рассмотреть в державности идеологию «...конкретной политико-хозяйственной формы реализации национальных государственных интересов России, обуславливающей приоритет интересов нашей страны, но не во вред интересам других стран глобального мира»; или как сугубо российскую теорию «...развития в глобальном мировом пространстве человеческой цивилизации» [27, с. 9];

— концепция модернизации и теория экономических интересов, оценивающие предполагаемые прогрессивные изменения в жизни социума «...в интересах образованных и ответственных людей, которые и будут составлять средний класс общества, развивать новые технологии, производство, сферу услуг» [28, с. 10];

— идея державности, возникшая, по мнению руководителя научной школы, в православии с осознанием божественности царской власти, но в период правления династии Романовых трансформированная в идеологию социально-экономического развития российского государства, предполагающая в современной системе принятия решений учёт традиционных нравственных ценностей, традиций и обычаев общества [29, с. 30].

Представленные теоретические положения позволили представителям экономической науки экспериментировать с определением российской державы, которая в интерпретации Г. В. Козловой является гибридом традиционно жёсткой вертикали власти, совмещающим в себе демократическое самоуправление в отдельных сегментах социально-экономической системы, во внешней и внутренней политике — прагматизм и приоритет национальных интересов в целях достижения всеобщего национального блага и высокого качества жизни [30, с. 20]. В свою очередь, понятием державности был показан «горизонт ожиданий» в виде желаемого состояния российского государства, которое должно характеризоваться определенным набором качественных и количественных характери-

⁵ Согласно А. Л. Спесивцевой, начиная с 1980-х гг. в зарубежной историографии «...происходит сначала смещение акцента с анализа среднего класса вообще на анализ его профессионального потенциала и новый средний класс, а затем разделение последнего на профессионалов — элиту нового среднего класса, обладающих не просто высоким уровнем человеческого капитала, а уникальными знаниями и навыками, и всех остальных» [26, с. 430].

стик, направленных на реализацию индивидуальной инициативы в интересах регионов и государства в целом [31, с. 8–9].

Как видим, в режиме футуристического восприятия времени актуализация религиозно-нравственных смыслов державности была подчинена обоснованию предполагаемого созвучия традиционных ценностей народа с планируемым вектором дальнейшего развития России — либеральным по существу. В перспективе, по мнению разработчиков, государство в роли мировой державы должно обеспечивать «...миропорядок и благо достижения своих высших целей развития...» на основе принципов «...гармонии интересов каждого человека, социальных групп, общностей, нации в целом» [32, с. 10]. По цели рассмотренные умозаключения — утопичные, не являлись оригинальными, но представляли общее направление экономико-социологических исследований по проектированию дальнейшей модернизации России в XXI в. с учётом аксиологических, идейных, ценностно-нормативных структур общественного сознания⁶.

Презентизм в осмыслении феноменов державы/державности был свойствен исследователям, рассматривавшим генезис российской государственности через призму ценностных ориентиров современного общества — непосредственно субъективно осязаемой и прочувствованной реальности, объективированной ввиду очевидности происходящих событий, не требующих подтверждения, являющейся следствием исторических процессов в их ретроспективе, а значит, имеющей право выносить свои вердикты прошлому. Сторонники актуального восприятия времени при общем понимании взаимосвязанности смыслов державы и самодержавия представляли два направления исследования: историко-культурное и теоретико-социологическое.

Особенностью работ *историко-культурного* направления являлся характерный ещё для историографии советского периода с её классовыми оценками, взгляд на самодержавие как на специфическую модель традиционной российской власти [33, с. 9], при описании которой допускалось произвольное оперирование понятиями, составившими терминологический ряд политологии. Авторы, пользуясь ситуативно-удобными для того или иного контекста смысловыми фигурами, как бы «не замечали» различий между формой правления (структурой и компетенцией органов власти), государственным режимом (совокупностью способов и методов осуществления государственной

⁶ В 1990–2010-е гг. представителями экономической науки и социологии в поисках путей преодоления кризиса общественного строя в России активно разрабатывались следующие концепции: модернизации, устойчивого развития, институциональных матриц и другие, в том числе державной экономики.

власти) и функциями верховной власти. Поэтому самодержавие, если вспомнить лежащую в его основе каноническую идею о небесной миссии земного царя, осознаваемую венценосными особами и народом [34, с. 57–61], с презентистских позиций представлялось в иной ипостаси, а именно:

— как форма правления (Б. С. Ерасов, М. П. Мчедлов) [35, с. 116], сочетающая монархические, аристократические и демократические принципы правления с такими характерными чертами, как цензовый характер власти, преобладание политической и военно-полицейской функций, сохранение в государственной системе политических позиций предшествующей элиты, доминирование авторитарных тенденций и силового управления, наличие госаппарата с тенденциями к расширению своих функций и сужению социальной базы (Н. В. Ассонов) [36, с. 18];

— системой правления, характерной для восточных деспотий, не предполагающей ни договорных отношений, ни прав подданных (А. И. Липкин) [37, с. 39–42], в том числе обусловленной личностными свойствами первого лица (Е. А. Лукашева) [38, с. 31];

— как синоним государства, «...в котором вся полнота законодательной и исполнительной власти принадлежит царю» (Б. Н. Миронов) [39, с. 111];

— с формально-юридической стороны оно является синонимом абсолютизму и неограниченной монархии (В. Ю. Захаров) [40, с. 53–54]; в условиях этатистско-самодержавного правового сознания это власть, не зафиксированная в Конституции (Н. Б. Комова) [41, с. 49].

Нетрудно увидеть, что авторы создавали образ самодержавия по лекалам советской исторической науки, расставлявшей основные акценты на единовластной сущности верховной власти, надо отметить, характерной для многих авторитарных режимов, и не только российских. Понятая под таким ракурсом традиционная власть в 1990-е гг. в практике цивилизационной идентификации страны в меняющемся геополитическом пространстве воспринималась исследователями как настоящее. В новом контексте образ самодержавия «зашифровывался» в понятии «державы».

Типичным примером презентизма являлась научная позиция М. В. Ильина, отождествлявшего понятие державы, встреченное в древнерусских текстах, с понятием империи. Автор определил тип политической организации русского/российского общества в XI–XX вв. как имперский, аргументируя точку зрения указанием на существовавшее в Средневековье разделение социального пространства на господствующий центр и зависимую периферию [42, с. 129] — типичное явление в рамках всеобщей истории. Ложность авторского посыла заключалась в несоответствии исторической стратегии российского государства, пе-

риодами озабоченного больше дать, чем перераспределить в пользу центра ресурсы народов, населявших присоединённые территории, тому образу империи, который скопировали мыслители Нового времени (Ж.-Ж. Руссо) с европейских метрополий с признаками их колониальной политики. О «демоне» и «ма-разме» державности, увиденной в первую очередь в личностях монархов и вождей, с экспрессией писал философ А. В. Лубский, подразумевая наличие непомерных внешнеполитических амбиций, дискредитирующих, по его мнению, государственную власть [43, с. 50–52].

Все изложенное выше подтверждает выводы И. М. Савельевой и А. В. Полетаева о склонности к презентизму представителей леворадикальной историографии и политического мэйнстрима [44, с. 76]. В работах историко-культурного направления употребление державной терминологии в контексте осмысления проблем современности осуществлялось, изъясняясь словами М. А. Барга, при одностороннем упорядочении «...опыта прошлого с целью истолкования его в свете опыта настоящего» [45, с. 12], оставляя за скобками понимание внутренних процессов и каналов трансформации российской власти.

В работах теоретико-социологического направления выразилась накопившаяся в научном сообществе неудовлетворённость трактовкой российской власти в схемах исторического мышления, доставшихся от советской историографии. Новизна исследований его представителей заключалась в подходах к категоризации исторической динамики России, решаемой с помощью аналитического инструментария социологических концепций, главным образом зарубежных авторов (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Р. Коллингвуд) и метафор в рамках разработки двух конкурирующих идей: русской власти (В. П. Макаренко) [46] и русской системы (Ю. С. Пивоваров, А. И. Фурсов) [47–49].

Указанные идеи, каждая из которых претендовала на ключевую роль в уяснении ставшей острой во второй половине 1990-х гг. дискуссионной темы особого пути России, неоднократно подвергались как позитивной, так и острой критике [50, с. 545–546; 51, с. 40–60]. По результатам анализа эксперты выделили общее между ними основание: вывод о том, что историкам пока не удалось решить вопрос о социальной природе самодержавия, а также признание метафизического характера русской власти. Если у Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова построение отношений господства-подчинения в России — локальной цивилизации — связывалось с идеей о власти как базовой системообразующей единице её истории, то у В. П. Макаренко они рассматривались в плоскости генезиса «власти-собственности», характерной для Восточной (в понимании Л. В. Васильева) цивилизации [52].

По версии А. И. Фурсова, самодержавный статус монархов, названный «Центроверхом», был предопределён их надзаконным положением в обществе и автосубъектностью (источник обоснования власти заключён в самой власти) теократического свойства, обеспечивающей легитимность государя благодаря его собственной убеждённости и осознанию населением его хриstopодобности, т. е. сопричастности к Божественному промыслу. Автор заключает, что данный ценностный пласт постоянно воспроизводит матрицу нематериальных отношений, существовавших в различных исторических формах и конфигурациях взаимосвязи, позволяющих на этом основании считать петербургскую монархию и русский коммунизм разновидностями идеократии⁷.

«Русская власть», по версии разработчиков аналитической истории В. А. Дубовцева и Н. С. Розова, — это «...комплекс устойчивых и воспроизводящихся в российской политической истории свойств политических режимов. Речь идет о самодержавии (в разных формах: от великокняжеской до президентской), о стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, нетерпимости к существованию какой-либо оппозиции, привычке делать ставку на принуждение и насилие» [54, с. 8]. В объяснении цикличности автократии высшего уровня и её стратегии удержания своего господствующего положения в обществе Н. С. Розов опирался на идеи «власти-собственности» и «вертикального договора», раскрывавшие соответственно причины сохранения контроля со стороны государства над «капиталами в широком смысле» (термин Н. С. Розова) и доверия народа к царю-батюшке [55, с. 179–185].

Нетрудно заметить, что новое теоретическое осмысление феномена высшей власти, инициированное философами, опиралось на исторические знания о факторах и условиях развития российского государства. Однако в отличие от представителей историко-культурного направления, видевших в преемственности свойств власти традицию, разработчики представленных выше макросоциологических схем

считали их повторение исторической инерцией, метафорически названной «русской колеей». Метафора колеи символизировала постоянное попадание страны в порочные, по мнению авторов, циклы, преодолеть которые возможно на «перевале» (термин Н. С. Розова), т. е. на пути от авторитаризма к демократии, к гражданской самоорганизации с последующим переходом общества к новой логике исторического развития [56, с. 54–55; 57].

Все изложенное выше показывает, что авторы презентистских аналитических моделей как знатоки современной истории, имевшие в распоряжении солидный набор концепций, макро- и «среднего уровня» теорий общественного развития, созданных в различных познавательных средах, не могли не отметить метафизическую природу державной власти в различных ее формах. Тем не менее выбранные исследовательские стратегии, построенные на современных макросоциологических схемах, удобных для составления теоретических прогнозов, недооценивали глубину влияния духовных факторов на историческую динамику России. В контексте данной методологии вполне естественными выглядели попытки негативно представить державность в качестве досадного наследия, мешающего дальнейшему поступательному развитию общества. Пояснение её очевидной живучести было найдено в некой инерции текущих процессов, которая может быть преодолена в случае либерализации общественного строя.

Таким образом, анализ и типологизация в режиме историчности точек зрения на идею державности, высказанных в научной среде в последние двадцать лет, показали присутствие в системе знаний о российской власти ее многослойного по восприятию времени смыслового поля, вобравшего в себя весь спектр ранее приобретенных значений. Данный историографический факт можно считать одним из доказательств укорененности в историческом сознании народа идеальных представлений о традиционной верховной власти, материализующих архетипический образ державности.

Библиографический список

1. Морозов Н. М. Менталитет русских: понятие, структура // Вестник российской нации. — 2012. — Т. 1. — Вып. 21.
2. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — М., 2001.

3. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. — 2008. — № 3.
4. Чеканцева З. А. Время историка // Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной. — М., 2010.

⁷ Автор полагал, что наследуется конфигурация отношений, при которых у человека, облечённого высшей властью, формируется «...отношение к себе как к единствен-

но значимому субъекту, который находится не только над всеми в своей зоне, но и над всем, в том числе и над законом» [53, с. 70–71].

5. Словарь историка / пер. с фр. Л. А. Пименовой; отв. ред. Николая Оффенштадт при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля. — М., 2011.
6. Проханов А. в программе «Познер» от 3.03.2013. [Электронный ресурс]. — URL: <http://vladimirpozner.ru/?cat=82> (дата обращения 18.03.2013).
7. Кумыков А. М. Национальный идеал российской государственности: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Ростов-н/Д., 2008.
8. Товбин К. М. Трансформация концепции «Москва — Третий Рим» в русском православном старообрядчестве : дис. ... канд. филос. наук. — Ростов-н/Д., 2006.
9. Артамонов В. А. Патриотизм и державное сознание в России: становление и эволюция IX–XX вв. // Патриотизм — составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / ред. Н. Ф. Бугай. — М., 2010.
10. Кабашов С. Ю. Российское государство: державность и государственный аппарат // Экономика и управление. — 2012. — № 6.
11. Грищенко М. Ю. Идеология общественного развития России // Власть. — 2007. — № 10.
12. Асонов Н. В. Византизм и российская власть: уроки и смыслы // Власть. — 2010. — № 9.
13. Буданцев Ю. П., Большаков В. И. Соборность российской государственности: историко-социологический анализ. — М., 1999.
14. Нечапкин М. Н. Эволюция российской государственности (XIX — начало XX в.) и её отражение в консерватизме : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. — Екатеринбург, 2004.
15. Самарин В. А., Шуманский И. И., Ермолаев Д. Е. Формирование патриотического сознания как один из важнейших факторов единения нации. Совершенствование системы патриотического воспитания работников УИС : лекция. — СПб., 2012.
16. Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. — М., 2010.
17. Апостола Павла 2-е послание к силунянам. 2:7.
18. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII– начало XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Екатеринбург, 2007.
19. Шаповалов В. Ф. Россияведение : учебное пособие для вузов. — М., 2001.
20. Ракитянский Н. М. Опыт сопоставления менталитета и веры человека в политической психологии // Теория и практика российской политической психологии : материалы научной конференции, посвященной 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, 23–24 октября 2009 года / под науч. ред. А. И. Юрьева. — СПб., 2009.
21. Орлов И. Б. Российское государство в системе религиозных и светских ценностей // Российское государство в системе религиозных и светских ценностей : материалы научного семинара. — Вып. 8. — М., 2008.
22. Ильясова М. В. Критерии державной политики национального государства // Социально-экономические явления и процессы. — 2011. — № 8.
23. Каверин С. Б. Экономика и акмеология // Социально-экономические явления и процессы. — 2011. — № 3–4.
24. Сениявский А. С. Цивилизационный подход к российской истории: теоретико-методологические аспекты // История России: теоретические проблемы. — Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А. С. Сениявский; Ин-т рос. истории. — М., 2002.
25. Юценко М. А. Феномен власти в России: социокультурный аспект : дис. ... канд. филос. наук. — Томск, 2009.
26. Спесивцева А. Л. Процесс развития экономической науки: эволюция концепции среднего класса // Вестник науки Сибири. — 2011. — № 1.
27. Юрьев В. М. Державность как идеология развития России в постиндустриальной системе глобальной цивилизации // Вестник Тамбовского государственного университета. — 2011. — Вып. 7.
28. Юрьев В. М., Налётова И. В. Концепция державности как механизм преодоления бедности: теоретические и эмпирические аспекты // Вестник Тамбовского государственного университета. — 2012. — Вып. 9.
29. Андросов В. В., Карпунина Е. К. Проблемы определения императивов государственной экономической политики в соответствии с концепцией державности // Социально-экономические явления и процессы. — 2010. — № 3.
30. Козлова Г. В. Держава и империя: две качественно различные формы государственности // Вестник Тамбовского государственного университета. — 2011. — № 7.
31. Козлов А. А. Социально-цивилизационный блок в державной парадигме развития российского государства // Вестник Тамбовского государственного университета. — 2012. — № 6.
32. Юрьев В. М., Налётова И. В. Держава в мире империй // Вестник Тамбовского государственного университета. — 2009. — № 7.
33. Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Три модели развития России. — М., 2000.
34. Павлова Е. В. Преемственность и легитимность самодержавной власти по российскому законодательству // Вестник Самарского государственного университета. — 2008. — № 5/1.
35. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. — М., 2002.
36. Асонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2009.
37. Липкин А. И. Российская самодержавная система правления // Полис. — 2007. — № 3.
38. Лукашева Е. А. Устойчивые традиции российской цивилизации: Человек и власть // Научный эксперт. — 2009. — Вып. 12.
39. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): 2-е изд., испр. — СПб., 2000. — Т. 2.

40. Захаров В.Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий // Научные труды Московского гуманитарного университета. — Вып. 96. — М., 2008.
41. Комова Н.Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра юридич. наук. — Нижний Новгород, 2012.
42. Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы (Деспотия. Империя. Держава) // Полис. — 1994. — №2.
43. Лубский А.В. Государственная власть в России (исторические реалии и проблемы легитимности) // Российская историческая политология / отв. ред. С. А. Кислицын. — Ростов н/Д., 1998.
44. Савельева И.М., Полетаев А.В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. — М., 2005.
45. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М., 1987.
46. Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). — Ростов-н/Д., 1998.
47. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. — 2001. — № 1.
48. Аванесян С.Р. Русская власть и проблемы партийной идентичности в современной России : автореф. дис... канд. полит. наук. — Ростов-н/Д., 2012.
49. Олейник А.Н. Русская власть: конструирование идеального типа // Политическая концептология. — 2010. — № 1.
50. Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсивный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. — 2003. — №59.
51. Ковалев В.А. «Русская система»: фантастический вариант // Россия и современный мир. — 2006. — № 1 (50).
52. Мигولاتов А. А. Макаренко В. П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). — Ростов-н/Д., 1998.
53. Фурсов А.И. Феномен русской власти: преемственность и изменение: материалы научного семинара. — Вып. 3 (12). — М., 2008.
54. Дубовцев В. А., Розов Н. С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Полис. — 2007. — № 3.
55. Липкин А.И. О «колее» российской истории и возможности «перевала». Критический анализ концепции Н.С. Розова // Полис. — 2012. — №.1.
56. Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. — 2007. — № 6.
57. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. — М., 2011.